
ГЛАВНЫЕ МЫСЛИ ЭТОЙ КНИГИ

Чрезвычайно важно то, чтобы истинный мир был упразднен. Он источник величайших сомнений и всяческого обесценивания того мира, который мы представляем собой; он был до сих пор нашим опаснейшим покушением на жизнь.

Человек в конце концов находит в вещах лишь то, что он сам вложил в них; это обретение называет себя наукой, а вкладывание — искусством, религией, любовью, гордостью.

Закона нет: каждая власть в каждый данный момент развивается до последних своих пределов.

Всякий смысл есть воля к власти; все смыслы отношений сводятся к ней.

Ценность — это наивысшее количество власти, которое человек в состоянии усвоить, причем именно человек, а не человечество!

Нашим величайшим упреком существованию вообще было существование Бога.

ГЛАВНЫЕ МЫСЛИ ЭТОЙ КНИГИ

Все, что просто, есть только продукт воображения, но не истина. Действительное же, истинное не есть единство и даже не может быть сведено к единству.

*Лишь благодаря мышлению
существует неистинное, неправда.*

*Истина есть тот род заблуждения,
без которого некоторый определенный вид
живых существ не мог бы жить.*

*Ценность для жизни является
последним основанием.*

*Разумное мышление есть интерпретирование
по схеме, от которой мы не можем освободиться.*

*Гений — это самая совершенная машина,
какая только существует,
а следовательно, и самая ломкая.*

*Творить — значит выбирать и сообщать
законченную форму избранному.*

Об этой книге

Фридрих Ницше (1844—1900) — знаменитый немецкий мыслитель, создатель учения, которое оказало влияние не только на развитие философской мысли, но и на мировоззрение человечества в целом.

Концепция «воли к власти» занимает центральное место в философии Ницше. Воля к власти — это принцип, с помощью которого объясняется все, что происходит в мире как таковом; то, благодаря чему все в конце концов будет истолковано и к чему все будет сведено. При этом власть социальная — это всего лишь частность. Философ ищет ответ на вопрос: «Что представляет собой все сущее в своей глубочайшей основе?» И находит его — это воля к власти; она — сущность и живой и неживой природы.

Замысел написать книгу под названием «Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей», в которой была бы представлена вся его философская доктрина, возникла у Фридриха Ницше еще в первой половине 1880-х годов. Со временем эта идея претерпевала изменения, а в 1888 году философ отказался от этого замысла. Тем не менее «Воля к власти» как отдельное издание увидела свет благодаря Элизабет Фёрстер-Ницше, сестре Фридриха, и его другу Иоганну Генриху Кёзелицу (псевдоним — Петер Гаст). Основой для книги, впервые изданной в 1901 году, стали черновики работ Фридриха Ницше из его богатого литературного наследия. Несмотря на то что подобный подход вызвал немало критики, «Воля к власти» стала одним из самых великих творений за всю историю философской мысли.

В настоящем издании мы публикуем книгу третью — «Принцип новой оценки», в которую вошли такие разделы, как «Воля к власти как познание» и «Воля к власти в природе», и которая, на наш взгляд, в наибольшей мере отражает суть идей Фридриха Ницше, касающихся воли к власти и ее влияния на все сущее.

ВВЕДЕНИЕ

Еще весной 1883 года, когда мы с братом были в Риме, он говорил, что намерен, как только окончит «Заратустру», написать свое главное теоретико-философское сочинение в прозе. Когда же я осенью 1884 года в Цюрихе напомнила ему этот разговор и спросила о положении дел, он таинственно улыбнулся и намекнул, что пребывание в Энгадине¹ было в этом отношении весьма плодотворно. Однако нет никаких оснований думать, что основные мысли этого произведения возникли лишь в ту пору, — нет, они уже полностью в поэтической форме содержатся в «Заратустре». Это совершенно ясно из того, что наброски и планы, относящиеся к концу 1882 года, то есть ко времени до возникновения первой части «Заратустры», имеют весьма большое сходство с идейным содержанием «Воли к власти».

Но само собой разумеется, что мир новых мыслей не мог быть исчерпан в «Заратустре»; он требовал еще и отдельного теоретико-философского прозаического изложения, продолжая в то же время из года в год расти и становиться отчетливее. Мы встречаемся поэтому в планах, относящихся к лету 1884 года, все с теми же проблемами, что и в «Заратустре», а позднее — в «Воле к власти». Все, что Фридрихом было написано с этого времени, представляет лишь дальнейшее выяснение и изображение этих основных мыслей. Так что о «Воле к власти» можно, пожалуй, сказать то же, что мой брат писал Якову Буркхардту² по поводу «По ту сторону добра и зла», а именно: в этом сочинении *«говорится о тех же предметах, что и в “Заратустре”, но иначе, весьма иначе».*

Автор хотел переждать несколько лет (он говорит о шести и даже о десяти годах), прежде чем приступить к окончательной

¹ Энгадин — регион в кантоне Граубюнден на юго-востоке Швейцарии.

² Яков Буркхардт (1818—1897) — швейцарский историк культуры, один из основоположников культурологии как самостоятельной науки.

разработке этого огромного произведения, а пока собирал только драгоценные камни для стройки и занимался обширными подготовительными изысканиями по этому предмету. И это более чем понятно.

Кроме того, из планов, относящихся к лету 1884 года, можно усмотреть, что он в то время еще колебался в вопросе, какую из главных своих мыслей выдвинуть на первый план и сделать средоточием этого произведения: *вечное ли возвращение или переоценку всех прежних высших ценностей, распорядок ли рангов вплоть до их вершины, сверхчеловека ли или волю к власти как принцип жизни, роста и стремления к господству*. Но с каждым годом он, по-видимому, все яснее сознавал, что *необычайная сложность жизненной ткани лучше всего может найти свое выражение в «Воле к власти»*.

Здесь уместно задаться вопросом: когда же, собственно, у философа впервые зародилась эта мысль о воле к власти как воплощенной воле к жизни? На подобные вопросы в высшей степени трудно дать ответ, так как у моего брата корни его главных мыслей всегда приходится искать в весьма отдаленном времени. Для него, как и для здорового, могучего дерева, нужны были долгие годы, прежде чем мысли его могли получить свою окончательную форму и ясные очертания, за исключением, впрочем, одной — вечного возвращения, которая предстала ему впервые летом 1881 года, а год спустя получила свое выражение. Быть может, мне будет позволено привести здесь одно воспоминание, которое даст кое-какие указания относительно времени первого возникновения мысли о воле к власти.

Осенью 1885 года, перед тем как уехать с мужем в Парагвай, мы с братом предприняли целый ряд чудесных прогулок в окрестностях Наумбурга, чтобы повидать еще раз места, где протекало наше детство. Так однажды мы бродили между Наумбургом и Пфорта¹ по возвышенностям, с которых открывался

¹ *Пфорта* — знаменитая немецкая гимназия (в настоящее время интернат), расположенная в здании бывшего цистерцианского монастыря; находится около города Наумбург на берегу реки Заале.

замечательный вид. В этот вечер освещение было особенно красиво: желтовато-красное небо было покрыто темными, черными облаками, сообщавшими всему окружающему какой-то странный колорит. Эта картина вызвала брата на замечание, что облака эти напоминают ему один вечер из тех времен (1870), когда он был санитаром на театре войны¹ (нейтральная Швейцария не позволяла профессору своего университета отправиться на войну в качестве солдата²). Обучившись уходу за больными в Эрлангене, он получил от тамошнего комитета поручение отправиться в качестве уполномоченного и начальника санитарного отряда на поле битвы. Ему доверены были большие суммы и дан ряд личных поручений, так что ему пришлось переезжать от лазарета к лазарету, от одной амбулатории к другой в районе военных действий, останавливаясь только для того, чтобы помочь раненым и умирающим и принять от них их последнее «прости» близким и родным.

Что пришлось при этом перенести за это время сострадательному сердцу моего брата, не поддается описанию: еще месяцы спустя ему слышались стоны и жалобные вопли несчастных раненых. В первые годы он почти не мог говорить об этом, и, когда Роде³ однажды в моем присутствии пожаловался, что так мало слышал от своего друга о пережитом им в бытность его санитаром, брат мой с выражением муки на лице заметил: «Об этом не надо говорить, это невозможно, нужно гнать от себя эти воспоминания!»

И в тот осенний день, о котором я начала говорить, он рассказал мне только, как однажды вечером, после всех этих ужасных скитаний, он «с сердцем, почти разбитым состраданием», приехал в маленький городок, через который пролегла большая дорога. Когда он обогнул городскую стену и прошел несколько шагов

¹ Имеется в виду Франко-прусская война 1870—1871 гг.

² Ницше в 1869 г. демонстративно отказался от прусского гражданства и жил в Швейцарии в статусе лица без гражданства.

³ Эрвин Роде (1845—1898) — немецкий филолог и историк культуры.

вперед, то вдруг услышал шум и грохот и мимо него, как сверкающая молниями туча, пронесся красивый кавалерийский полк, великолепный, как выражение народного мужества и задора. Но вот стук и гром усилились, и за полком в стремительнейшем темпе понеслась его любимая полевая артиллерия — и, ах, как больно было Фридриху не иметь права вскочить на коня и быть вынужденным сложа руки стоять у этой стены! Напоследок шла пехота беглым шагом: глаза сверкали, ровный шаг звенел по крепкому грунту, как могучие удары молота.

Все это шествие вихрем пронеслось мимо него в битву, быть может навстречу смерти, столь величественное в своей жизненной силе, в своем мужестве, рвущемся в бой, являя собой такое полное выражение расы, решившей победить, властвовать или погибнуть. И «тогда я ясно почувствовал, сестра, — так закончил свой рассказ мой брат, — что сильнейшая и высшая воля к жизни находит свое выражение не в жалкой борьбе за существование, но в воле к битве, к власти и превосходству! Но, — продолжал он, немного помолчав и вглядываясь в пылающее вечернее небо, — я чувствовал также, как хорошо то, что Вотан¹ влагает жестокое сердце в грудь вождей: как могли бы они иначе вынести страшную ответственность, посылая тысячи на смерть, чтобы тем привести к господству свой народ, а вместе с ним и себя».

Многие, бесконечно многие пережили в то время нечто подобное, но глаза философа смотрят иначе, чем глаза остальных людей, и он извлекает новые познания из таких переживаний, которые ничего не дают другим. Насколько иным и несравненно более сложным должно было казаться Фридриху столь превозносимое Шопенгауэром² чувство сострадания, когда брат впоследствии, возвращаясь мысленно к этим событиям, сопоставлял это чувство с представшим тогда его взору чудесным видением воли и жизни, битвы и мощи. В этой последней воле он видел такое душевное

¹ *Вотан* — то же, что и Один, верховный бог в скандинавской мифологии.

² *Артур Шопенгауэр* (1788—1860) — знаменитый немецкий мыслитель и мистик, «философ пессимизма».

состояние, которое обеспечивает человеку полную гармонию его наиболее могущественных инстинктов, его совести и его идеалов. Это состояние он усматривал не только в исполнителях такой воли к власти, но также, и прежде всего, в самом полководце.

Наверное, именно тогда впервые перед Фридрихом предстала проблема страшного и губительного влияния, которое может иметь сострадание как некоторая слабость в те высшие и труднейшие минуты, когда решается судьба народов, и насколько справедливо поэтому предоставление великому человеку, полководцу права жертвовать людьми для достижения высших целей.

В какой глубокой захватывающей форме появляется впервые эта мысль о воле к власти в поэтических образах «Заратустры»; при чтении главы «О самопреодолении» во мне всегда встает тихое воспоминание об изображенных мной только что переживаниях, в особенности при следующих словах:

«Везде, где находил я живое, находил я и волю к власти, и даже в воле служащего находил я волю быть господином».

«Чтобы сильнейшему служил более слабый — к этому побуждает воля его, которая хочет быть господином над еще более слабым: лишь без этой радости не может он обойтись».

«И как меньший отдает себя большему, чтобы тот радовался и власть имел над меньшим, так приносит себя в жертву и больший и из-за власти ставит на доску — жизнь свою».

«В том и жертва великого, чтобы было в нем дерзновение, и опасность, и игра в кости насмерть».

Весной 1885 года, по завершении четвертой части «Заратустры», мой брат, насколько можно судить по его заметкам, уже решил сделать волю к власти как жизненный принцип средоточием своей главной теоретико-философской работы. Нам попадается заглавие: «Воля к власти, толкование мирового процесса». Зимой 1885/86 года он собирался сначала написать на эту тему небольшое

сочинение, к которому у нас имеется целый ряд набросков. Фридрих называет его: «Воля к власти. Опыт нового миротолкования».

Совершенно понятно, что он в смущении останавливался перед необъятностью задачи: *изобразить волю к власти в природе, жизни, обществе как волю к истине, религии, искусству, морали, проследив ее во всех ее отдаленнейших последствиях*. Увы, как часто, вероятно, ему приходилось с отчаянием говорить себе: «Один! Всегда один! И один в этом огромном лесу, в этих дебрях!» И вот, чтобы хоть немного облегчить себе задачу и сделать ее обозримее, брат все снова и снова пробует разбить свой большой труд на более мелкие, менее объемистые трактаты. Так, весной 1886 года он набрасывает план десяти новых произведений, которые могли бы быть выпущены в свет в качестве новых «Несвоевременных размышлений».

Но во время своего пребывания в Лейпциге в мае — июне 1886 года, в то время как он вел переговоры с издателем по поводу напечатания «По ту сторону...», Фридрих пришел к окончательному решению, независимо от «По ту сторону...», которое должно было представлять некоторое предуготовление к большому произведению (на самом же деле было отдельным фрагментом этого последнего), — посвятить ближайшие годы целиком разработке и печатанию «Воли к власти». Я вправе, быть может, высказать предположение, что это пребывание (в мае — июне 1886 года) в Лейпциге отняло у него последнюю надежду найти себе соаврищей и сотрудников для такой большой работы. Эта надежда на сотрудничество друзей, которая при слабости его глаз представлялась для него вдвойне соблазнительной и, несмотря на пережитые им крупные разочарования, постоянно вновь пробуждалась в нем, была от дней юности восторженной грезой его души — грезой, которой не суждено было осуществиться.

Он пишет:

«Проблемы, перед которыми я стоял, представлялись мне проблемами столь коренной важности, что мне почти каждый год по несколько раз представлялось, что мыслящие люди, которых я знакомил с этими проблемами, должны были бы из-за них от-

ложить в сторону свою собственную работу и всецело посвятить себя моим задачам. То, что каждый раз в результате получалось, представляло такую комическую и жуткую противоположность тому, чего я ожидал, что я, старый знаток людей, стал стыдиться самого себя и был принужден снова и снова усваивать себе одну элементарную истину:

•
*люди придают своим привычкам
в сто тысяч раз больше
важности, чем даже своим
выгодам...»*
•

Все дельные люди, бывшие его друзья и знакомые, казались погруженными в свои собственные работы; даже Петер Гаст, единственный помогавший ему друг, ставил все же главной задачей своей жизни и деятельности, согласно желаниям самого моего брата, занятие музыкой. А полезны могли быть Фридриху только наиболее способные из сотрудников. Тогда его охватила мучительная уверенность, что он никогда не найдет себе сотоварища для труднейших своих работ, что ему придется все, все делать одному и в абсолютном одиночестве совершать своей трудный путь.

Летом 1886 года, во время чтения корректур «По ту сторону...», которым брат занимался в Зильс-Марии¹, он пользовался каждым свободным часом для разборки накопившегося материала для предполагавшихся четырех томов его главного сочинения. Он свел воедино план своей колоссальной работы и наметил ход мыслей, охватывавший все произведение и в существенных своих чертах, за малыми изменениями, сохраненный им до конца. (Содержание третьей книги вошло впоследствии в четвертую, и вставлена была совершенно новая третья книга.)

¹ *Зильс-Мария* — деревня возле высокогорного озера Зильс в Верхнем Энгадине, в которой Фридрих Ницше провел, с перерывами, семь лет, с 1881 по 1888 г.

План, относящийся к лету 1886 года, гласит следующее:

«Воля к власти».

Опыт переоценки всех ценностей.

В четырех книгах.

Книга первая: наивысшая опасность (изображение нигилизма как неизбежного следствия прежних оценок). Огромные силы освобождены от оков, но они находятся в противоречии друг к другу; раскованные силы взаимно уничтожают себя. *В демократическом строе общества, где всякий — специалист, нет места для «зачем?», «для кого?». Нет сословия, в существовании которого многообразные формы страдания и гибели всех отдельных (обращение их жизни в некоторую функцию) находили бы свой смысл.*

Книга вторая: критика ценностей (логика и т. д.). *Везде выставить на вид дисгармонию между идеалом и отдельными его условиями (например, честность у христиан, постоянно принужденных прибегать ко лжи).*

Книга третья: проблема законодателя (в ней история одиочества). *Раскованные силы надо вновь связать, дабы они не уничтожали друг друга; открыть глаза на действительное умножение силы!*

Книга четвертая: молот. Какие свойства должны иметь люди, устанавливающие обратные ценности? *Люди, которые обладают всеми свойствами современной души, но в то же время и достаточно сильны для возвращения этим свойствам полного здоровья; их средства для достижения этой задачи.*

Зильс-Мария, лето 1886 г.».

Было бы совершенно ошибочно, если бы мы вздумали предположить, что автор «Воли к власти» хотел дать в этом произведении свою систему. Мы знаем, как мало доверял он всяким системам и как всегда считал печальным признаком для философа, когда тот замораживал свои мысли в систему.

«Систематик — это такой философ, — восклицает Фридрих, — который не хочет больше признавать, что дух его живет, что он, подобно дереву, мощно стремится вширь и ненасытно захватывает все окружающее; философ, который решительно не знает покоя, пока не выкроит из своего духа нечто безжизненное, нечто деревянное, четырехугольную глупость, систему».

Бесспорно, он желал изобразить в этом большом произведении свою философию, свое мировоззрение, но, во всяком случае, не как догму, но как предварительный регулятив для дальнейших исследований.

Осенью 1886 года брату пришлось прервать на несколько месяцев свою работу над «Волей к власти», так как он писал в это время предисловие для нового издания своих ранее появившихся сочинений, а также пятую книгу «Веселой науки», но в январе 1887 года все было готово к печати и отослано и он вернулся снова к работе над своим главным сочинением. Февраль 1887 года принес с собой страшное землетрясение в Ницце, которое он пережил с замечательным спокойствием и присутствием духа. Фридрих пишет по этому поводу Гасту 24 февраля 1887 года: «Любезный друг, быть может, вас беспокоили известия о нашем землетрясении; пишу вам два слова, чтобы сообщить по крайней мере, как дело обстоит относительно меня. Весь город переполнен людьми с потрясенными нервами, паника в отелях прямо невероятная. Этой ночью, около 2—3 часов, я сделал обход и навестил некоторых из своих добрых знакомых, которые на открытом воздухе, на скамейках или в пролетках, надеялись избежать опасности. Сам я чувствую себя хорошо: страха не было ни минуты, скорее очень много иронии!»

Ницца совершенно опустела после этого происшествия, что не помешало, однако, моему брату остаться там на все заранее намеченное им время, несмотря даже на повторение подземного удара. Его так мало затронули эти внешние обстоятельства, что он среди всех волнений, вызванных землетрясением в Ницце, невозмутимо продолжал комбинировать в своем уме основную свою работу, и притом по нижеследующему плану: